

Адриен Бургонь

ВОСПОМИНАНИЯ
СЕРЖАНТА БУРГОНЯ

RUGRAM

Издатель Иванов В. Ю.

УДК 93/94
ББК 63.3
Б90

Текст печатается по изданию:

*Бургонь, Андриен Жан Батист Франсуа Пожар Москвы и отступление французов.
1812 год: Воспоминания сержанта Бургоня: (Me´moires du sergent Bourgogne) /
Пер. с фр. Л. Г. — Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1898. — XVI, 286 с.*

Бургонь, А.

Б90 Воспоминания сержанта Бургоня / А. Бургонь. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 204 с. — (Исследования мировой истории).

Воспоминания сержанта Императорской Гвардии Наполеона Адриена Бургоня (1785–1867), который рассказывает о Русской компании Наполеона 1812 года и войне Шестой коалиции 1813–1814 гг. Обычный солдат, сержант Бургонь, участник этой кампании, подробно описывает свой путь в этой кампании, он уделяет внимание мельчайшим деталям. Мемуары Бургоня ценный источник о нашествии Наполеона на Россию и его разгроме.

BIC HB
BISAC HIS032000

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сентября 2-го (14-го), в час пополудни, пройдя через большой лес, мы увидали вдали возвышенность, и через полчаса достигли её. Передовые солдаты, уже взобравшиеся на холм, делали знаки отставшим, крича им: «Москва! Москва!» Действительно впереди показался великий город; там, мы рассчитывали отдохнуть от утомительного похода, так как мы, императорская гвардия, сделали более 1 200 лье, нигде не отдыхая.

Был прекрасный летний день; солнце играло на куполах, колокольнях, раззолоченных дворцах. Многие, виденные мною столицы, Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня впечатление заурядное; здесь же другое дело: в этом зрелище, для меня, как и для всех других, заключалось что-то магическое.

В эту минуту было забыто всё – опасности, труды, усталость, лишения, и думалось только об удовольствии вступить в Москву, устроиться на удобных квартирах на зиму и заняться победами другого рода – таков уж характер французского воина: от сражения к любви, от любви к сражению.

В то время, как мы любовались городом, пришло распоряжение одеться в парадную форму.

В этот день я был в авангарде ещё с пятнадцатью товарищами и мне поручили стеречь нескольких офицеров, оставшихся в плену после большого Бородинского сражения. Многие из них говорили по-французски. Между ними находился, между прочим, и православный поп, вероятно полковой священник, также очень хорошо говоривший по-французски; он казался более печальным и озабоченным, чем все его товарищи по несчастью. Я заметил, как и многие другие, что, когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знаменем. Я подошёл к священнику и осведомился, что означает эта манифестация. «Сударь, отвечал он – гора, на которой мы находимся, называется «Поклонной» и всякий добрый москвич, при виде святынь города, обязан перекреститься». Через минуту мы уже спускались с горы, а ещё через четверть часа пути очутились у ворот города.

Император уже находился там со своим генеральным штабом. Мы сделали привал; тем временем я заметил, что под самым городом, по левой руке раскинулось обширное кладбище. Немного погодя, маршал Дюрок, незадолго перед тем вступил в город, вернулся и представился императору вместе с несколькими жителями, говорившими по-французски. Император обратился к ним с вопросами; затем маршал доложил императору, что в Кремле собралось множество вооружённых людей – большею частью преступников, выпущенных из тюрем, и что они стреляют в кавалерию Мюрата, составлявшую авангард. Несмотря на многократные требования, они отказывались отпереть ворота. «Все эти негодяи – пьяны, – добавил маршал, – и не хотят слушать никаких резонов». – «Пусть же выбьют ворота пушками! – Отвечал император, – и выгонят оттуда всё, что там засело».

Так и сделали; король Мюрат взял на себя эту обязанность, два пушечных выстрела – и весь сброд рассыпался по городу. После того король Мюрат двинулся дальше по городу, преследуя русский арьергард.

Послышались раскаты всех барабанов, затем раздалась команда: *Garde a vous!* То был сигнал вступления в город. В половине четвёртого по полудни мы вступили колонной, тесно сплочённой по взводам. Авангард, в составе которого входил и я, состоял из тридцати человек, командовал им Цезарис, поручик нашей роты.

Только что вступили мы в предместье, как увидели идущих на нас тех самых негодяев, которых выгнали из Кремля, у всех были убийственные рожи и вооружены они были ружьями, пиками, вилами. Едва перешли мы через мост, отделявший предместье от города, как из-под моста выскочил какой-то субъект и направился на встречу войскам, он был в овчинном полушубке, стянутом ремнём, длинные седые волосы развивались у него по плечам, густая белая борода спускалась по пояс. Он был вооружён вилами о трёх зубьях, точь-в-точь, как рисунок Нептуна, вышедшего из вод.

Он гордо двинулся на тамбур-мажора, собираясь первый нанести ему удар; видя, что тот в парадном мундире, в галунах, он вероятно принял его за генерала. Он нанёс ему удар своими вилами, но тамбур-мажор успел уклониться и, вырвав у него смертоносное оружие, взял его за плечи и спустил с моста в воду, откуда он только что перед тем вылез; он скрылся в воде и уже не появлялся, его унесло течением, больше его и не видали.

Далее нам встретились и другие русские, стрелявшие в нас; но так они никого не ранили, то у них просто вырывали ружья, разбивали, а их самих спроваживали, ударяя прикладами в зад. Часть оружия была

взята нами из арсенала в Кремле; оттуда же были взяты ружья с трупом вместо кремней, труп кладут всегда, когда ружья новы и стоят в козлах. Мы узнали, между прочим, что эти несчастные покушались убить одного офицера из генерального штаба короля Мюрата.

Пройдя мост, мы продолжали путь по широкой прекрасной улице. Нас удивило, что не видно было ни души, даже ни одной женщины и некому было слушать музыку, игравшую «Победа за нами!» Мы не знали, чему приписать такое полное безлюдье. Мы воображали, что жители, не смея показываться, смотрели на нас сквозь щелки оконных ставень. Кое-где попадались лакеи в ливреях, да несколько русских солдат.

После перехода, длившегося около часа, мы очутились перед первой оградой Кремля. Но нас заставили круто повернуть налево, и мы вступили в улицу ещё лучше и шире первой; она привела нас на Губернаторскую площадь. В ту минуту, как остановилась колонна, мы увидели трёх дам, выглядывающих из окна нижнего этажа.

Я очутился на тротуаре, вблизи одной из этих дам; она подала мне кусок хлеба, чёрного, как уголь, и перемешенного с мякиной. Я поблагодарил её и в свою очередь подал ей кусок белого хлеба, полученный мной от тётки Дюбуа, маркитантки нашего полка. Дама покраснела, а я засмеялся; тогда она, не знаю зачем, тронула меня за рукав, и я продолжал путь.

Наконец пришли мы на Губернаторскую площадь; мы сомкнулись в массу, против дворца Ростопчина, губернатора города, того самого, который распорядился поджечь его. Нам объявили, что весь наш полк назначен пикетом и что никто ни под каким видом не смеет отлучаться. Но, несмотря на это, через полчаса вся площадь была покрыта всякой всячиной, чего только душе угодно; тут были разных сортов вина, водка, варенье, громадное количество сахарных голов, немного муки, но хлеба не было. Солдаты входили в дома на площади, чтобы потребовать еды и питья, но, не находили ни души, сами брали, что им было нужно, вот почему накопилось столько добра.

Мы расположили наш пост под главными воротами дворца, где направо находилась комната, довольно обширная для помещения караула и нескольких пленных русских офицеров, которых привели к нам, найдя их в городе. Что касается первых офицеров, приведённых нами вплоть от Москвы, то мы всех их, по приказанию начальства оставили у входа в город.

Дворец губернатора был довольно велик и совершенно европейской конструкции. В глубине входа помещались справа две прекраснейших лестницы; они сходят в бельэтаж, где имеется большой зал, с овальным

столом посередине; в глубине висит большая картина, изображающая русского императора Александра на коне. Позади дворца обширный двор, окружённый зданиями, предназначенными для прислуги.

Час спустя после нашего прибытия начался пожар, на правой стороне показался густой дым, потом взвился вихрь пламени; никто, однако, не знал, откуда это происходит. Вскоре нам сообщили, что горит базар, квартал купцов. «Вероятно, — объясняли некоторые, — это мародёры армии по неосторожности заронили огонь, входя в лавки за продовольствием.»

Многие, не участвовавшие в этой кампании, говорят, что пожар Москвы был гибелью армии; что касается меня и многих других, то я думаю, наоборот, что русские могли бы и не поджигать города, а просто увезти с собой или побросать в Москву реку всё продовольствие, опустошить край на десять лье в окружности — что было не трудно, так как часть края пустынна — и тогда нам, по прошествии двух недель, поневоле пришлось бы обратиться.

После пожара все ещё оставалось достаточно жилищ, чтобы поместить всю армию, и даже если допустить, что все жилища сгорели — и тогда оставались бы подвалы.

В семь часов загорелось за губернаторским домом: полковник сейчас же пришёл к нам в караул и приказал немедленно выслать патруль в 15 человек; в том числе был и я. Цезарис отправился с нами, во главе патруля. Мы двинулись в ту сторону, где горело, но едва сделали мы шагов триста, как нас салютовали ружейными выстрелами справа и слева. В первую минуту мы не придали этому значения, всё ещё думая, что это пьяные солдаты армии. Но пятьдесят шагов дальше из какого-то тупика опять раздаются выстрелы, направленные прямо в нас.

В ту же минуту возле меня послышался крик, и я убедился, что один из солдат ранен. Действительно, пуля попала ему в ляжку, но рана была не опасна, так как не мешала ему идти. Решено было тотчас же вернуться к месту стоянки полка; но едва успели мы повернуть, как ещё два выстрела из того же закоулка заставили нас изменить намерения. Решили поближе рассмотреть, в чём дело. Мы подошли к дому, откуда заметили выстрелы, выломали ворота и очутились лицом к лицу с девятью дюжины молодцами, вооружёнными копьями и ружьями — они не пускали нас войти.

Тотчас же завязался во дворе бой, довольно неравный, так как нас было девятнадцать человек против девяти; но думая, что их там больше, мы первым делом уложили на месте троих, первых подвернувшихся нам под руку. В одного капрала попал удар пикой между кожаной

амуницией и одеждой; не чувствуя себя раненым, он схватил пику своего противника, бывшего несравненно сильнее, так как у капрала только рука была свободна, в другой он принуждён был держать ружьё; поэтому он с силой был отброшен к двери подвала, не выпуская, однако, из руки древко пики. В эту минуту русский упал, сражённый двумя ударами штыком. Офицер своей саблей отсек кисть руки у другого русского, чтобы заставить его выпустить пик, но так как тот ещё угрожал, то его живо умирили пулей в бок и отправили к Плутону.

Тем временем я с пятью солдатами держал остальных четверых, ещё остававшихся у нас противников (трое улизнули) до того тесно прижатыми к стене, что они не в состоянии были пустить в дело своих пик, при малейшем движении мы могли проткнуть их нашими штыками, скрещенными у их груди, по которой они били себя кулаками, как бы для того, чтобы бравировать нас. Надо прибавить, что эти несчастные были пьяны, — напившись водки, которую предоставили им в волю, так что они были точно бешенные. Наконец, чтобы покончить скорее, мы принуждены были поставить их в невозможность сражаться.

Мы поспешили осмотреть дом; в одной из комнат мы застали двоих из бежавших людей: увидев нас, они были так поражены, что не успели схватить своё оружие, которое мы забрали себе; тем временем они спрыгнули с балкона.

Так как мы отыскиали всего двоих людей, а ружей было на лицо три, то мы стали искать третьего и нашли его под кроватью; он вышел к нам, не заставляя себя просить и крича: «Боже! Боже!» Мы не сделали ему никакого вреда, но удержали при себе, чтобы он мог нам служить проводником. Он был, как и другие, отвратителен и безобразен, — каторжник, как и прочие; на нём был овчинный тулуп, подпоясанный ремнём. Мы вышли из дома. На улице мы увидели тех двух колодников, что выскочили из окна, один был мёртв, разбив себе голову о мостовую; у другого были сломаны обе ноги.

Мы оставили их, а сами решили вернуться на Губернаторскую площадь. Но каково было наше изумление, когда мы увидели, что это невыполнимо, настолько распространился пожар: пламя справа и слева образовало сплошной свод, под которым нам приходилось идти, а это было невозможно, при сильно дувшем ветре и в виду того, что некоторые крыши стали проваливаться. Мы принуждены были избрать иную дорогу и направиться в ту сторону, откуда раздались другие ружейные выстрелы; к несчастью, мы не умели ничего втолковать нашему проводнику.

Пройдя шагов двести, мы увидели по правую руку какую-то улицу; но прежде, чем войти в неё, мы, ради любопытства, пожелали осмотреть

дом, откуда раздавались ружейные выстрелы, — с виду он показался нам очень красивым. Мы пропустили вперёд нашего пленного и сами шли за ним; но вдруг раздались тревожные крики и выскочило несколько человек с зажжёнными факелами в руках; пройдя через большой двор, мы убедились, что место, где мы находимся, не простой дом, а великолепный дворец. Раньше, чем войти в него, мы оставили у ворот двух часовых, с распоряжением предупредить нас в случае нападения врасплох. У нас были свечи, мы зажгли их несколько и вошли: от роду я не видел жилища с такой роскошной мебелировкой, как-то, что представилось нашим глазам; в особенности поражала коллекция картин голландской и итальянской школы.

Между прочими богатствами особенно привлёк наше внимание большой сундук, наполненный оружием замечательной красоты, которое мы и растащили. Я взял себе пару пистолетов в оправе, украшенной жемчугом; да ещё взял себе также снаряд, употребляемый для испытания силы пороха (пробная мортирка).

Уже около часу мы бродили по обширным, роскошным хоромам, в стиле для нас совершенно новом, как вдруг раздался страшный взрыв: он шел откуда-то снизу из-под того места, где мы находились. Сотрясение было страшно сильное: мы думали, что будем под развалинами дворца. Мы проворно спустились вниз, со всякой осторожностью, но были поражены, не застав наших двух солдат, поставленных на часах у дверей. Довольно долго проискали мы их, наконец, нашли на улице, они сказали нам, что в момент взрыва они поскорее убежали, думая, что весь дом обрушится на нас. Перед уходом мы хотели узнать причину напугавшей нас катастрофы; оказывается, в обширной столовой обрушился потолок, хрустальная люстра разлетелась вдребезги и всё это произошло от того, что нарочно были положены ядра в большую изразцовую печь. Русские рассудили, что для того, чтобы истреблять нас, всякое средство годится.

Пока мы были в доме, размышляя о многих вещах, которых ещё не понимали, мы услышали крики: «Горим! горим!» Это наши часовые заметили, что дворец загорелся. Действительно, из многих мест повалили клубы дыма, сперва чёрного, потом багрового, и в один миг всё здание очутилось в огне. По прошествии четверти часа, крыша из крашеного глянцевого толя рухнула со страшным треском и увлекла за собой три четверти всего здания.

Сделав несколько кругов, мы попали в довольно широкую и длинную улицу, где направо и налево возвышались великолепные дворцы. Она должна была привести нас в ту сторону, откуда мы пришли, но каторжник, служивший нам проводником, ничего не мог сообщить нам;

он был полезен нам лишь на то, чтобы по временам тащить нашего раненого: ему стало трудно идти. Во время нашего странствия мы встречали проходивших мимо людей с длинными бородами и зловещими лицами; при свете факелов, которые они несли в руках, они казались ещё страшнее; не подозревая их намерений, мы пропускали их.

Дальше мы встретили гвардейских егерей и от них узнали, что это сами русские поджигают город и что встреченным нами людям поручено выполнять этот замысел. Действительно, минуто спустя, мы увидели троих русских, поджигавших православную церковь. Заметив нас, двое побросали свои факелы и убежали; мы подошли к третьему – тот не бросил факела, а, напротив, старался привести в исполнение своё намерение; но удар прикладом в затылок сломил его упрямство. В ту же минуту мы встретили патруль егерей, заблудившихся точно также, как и мы. Командовавший ими сержант рассказал мне, что они видели каторжников, поджигавших несколько домов, и что одному из них он принужден был отсечь кисть руки саблей, чтобы заставить его бросить факел, но когда факел выпал у него их правой руки, он поднял его левой, с намерением продолжать поджоги; они принуждены были убить его.

Немного дальше мы услышали голоса женщин, звавших на помощь по-французски; мы вошли в дом, откуда слышались крики, думая, что это маркитантки армии в драке с русскими. Войдя, мы увидели разбросанные в беспорядке разнообразные костюмы, показавшиеся нам очень богатыми, и навстречу нам вышли две дамы, взволнованные и растрёпанные. При них был мальчик лет 12-15; они умоляли нас оказать им покровительство против солдат русской полиции, которые хотели поджечь их жилище, не дав им времени унести свои пожитки, между коими была одежда Цезаря, шлем Брута, латы Жанны Д'Арк; дамы объяснили нам, что они актрисы, что мужья их поневоле должны были уйти в поход вместе с русскими. Мы воспрепятствовали пока поджогу дома, забрав с собой русских полицейских; их было четверо; мы увели их к своему полку, все ещё стоявшему на Губернаторской площади; прибыли мы туда с немалыми затруднениями, не раньше двух часов ночи и со стороны противоположной той, откуда пришли.

Полковник, узнав о нашем возвращении, явился к нам, чтобы выразить своё неудовольствие и допросить нас, где это мы пропадали с 7-ми часов вчерашнего дня. Но когда он увидел наших пленников и нашего раненого товарища и когда мы рассказали ему про испытанные нами опасности, он объявил, что рад нашему возвращению и что мы доставили ему сильное беспокойство.

Бросив взгляд на площадь, где расположился на бивуаках полк, мне представилось, что я вижу перед собой сборище разноплеменных народов мира, — наши солдаты были одеты, кто калмыком, кто казаком, кто татаринном, персиянином или турком, а другие щеголяли в дорогих мехах. Некоторые нарядились в придворные костюмы во французском вкусе, со шпагами при бедре, с блестящими, как алмазы, стальными рукоятками. Вдобавок, вся площадь была усеяна лакомствами, каких только душе угодно — винами, ликёрами, в большом количестве; был небольшой запас свежего мяса, много окороков и крупной рыбы, немного муки, — а хлеба не было.

На другой день после нашего прибытия, 3 (15-го) сентября, в 9 часов утра, полк покинул Губернаторскую площадь, чтобы перенестись в окрестности Кремля, где поместился император, а так как ещё не прошло двадцати-четырёх часов моего дежурства, то я с 15-тью товарищами был оставлен во дворце губернатора.

Около десяти часов я видал генерала, подъехавшего верхом; кажется, это был генерал Пернетти, он привёл с собой человека, ещё молодого, в овчинном тулупе, подпоясанном красным шерстяным кушаком. Генерал спросил меня, не я ли начальник поста, и на мой утвердительный ответ сказал: «Хорошо, заберите этого человека и убейте его штыками, — я застал его с факелом в руках поджигаящим дворец, где я квартирую.»

Я тотчас же отрядил четырёх солдат для выполнения приказа генерала. Но французский солдат мало склонен к подобным хладнокровным экзекуциям: удары, которые они наносили ему, не проникали сквозь овчину; мы вероятно пощадили бы его жизнь, если бы не генерал, который, желая удостовериться, исполнят ли его приказание, не уезжал до тех пор, пока несчастный не упал замертво, сражённый выстрелом, который один солдат нанёс ему в бок, чтобы не заставляя его страдать от штыков. Мы так и оставили его на площади.

Вскоре явился другой субъект, житель Москвы, француз по происхождению, парижанин, выдававший себя за владельца бань. Он пришёл просить у нас защиты, так как его дом собираются поджечь. Я дал ему четырёх солдат, но они вскоре вернулись говоря, что уже поздно — обширное здание бань всё объято пламенем.

Несколько часов спустя после нашей злополучной экзекуции солдаты поста пришли доложить им, что какая-то женщина, проходившая по площади, бросилась на безжизненное тело несчастного молодого человека. Я пошёл посмотреть; она старалась дать нам понять, что это её муж или родственник. Она сидела на земле, держа на коленях голову